

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

UDC 94(470+571):316.35
LBC 63.3(2)-283.31

Submitted: 10.04.2024
Accepted: 10.07.2024

ON THE QUESTION OF THE SOCIAL ORIGINS OF EARLY COSSACK COMMUNITIES: RESULTS, METHODOLOGY AND PROSPECTS OF RESEARCH

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Addressing the complex and controversial problem of domestic Cossack studies – the determination of the stage affiliation of early Slavic Cossack communities – the author sets himself the task of summing up many years of discussions, identifying the most promising directions for further research, and identifying the associated methodological guidelines. *Methods and materials.* Many studies of the problem of the stage affiliation of early Cossack communities, carried out by pre-revolutionary, Soviet, and modern Russian Cossack researchers, as well as works on male unions and communities of the Slavic, Caucasian, and Turkic worlds, served as materials for the article. The analysis of sources and scientific publications was carried out using comparative historical and structural-functional methods, as well as methods of classification and typologization. *Analysis.* The available scientific papers on the problem were classified based on the social and political prototypes of early Cossack communities determined by scientists. Three groups of versions about the social nature of early Cossack communities have been identified, which correlate them: 1) with state structures; 2) with paramilitary communities that existed in the South Russian steppes and adjacent territories at the same time as the Cossacks; 3) with archaic structures (the so-called military democracy and male unions). *Results.* Defining the third direction as the most promising, the author of the article suggests expanding research on the cultural and historical comparison of Cossack organizations with archaic male unions and their later forms known in the Turkic, Caucasian, and Slavic worlds. We should start this case by adhering to a set of crucial methodological principles. These principles indicate that male unions were cultural universals, and their correlation with Cossack organizations may indicate not so much (and not only) genetic connections as typological ones. In contrast to the Caucasian and Central Asian unions, Cossack communities arose outside the metropolis, which, on the one hand, led to the need for them to build their own potestiar structures and, on the other hand, determined the strong external impact on them from the Russian state. The development of Cossack communities did not follow the path of evolution but was first carried out in the form of a rollback to the archaic and then was associated with a series of sociocultural transformations.

Key words: early Cossack communities, social origins, stage affiliation, male unions, comparative historical analysis.

Citation. Ryblova M.A. On the Question of the Social Origins of Early Cossack Communities: Results, Methodology and Prospects of Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 4, pp. 249-260. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

УДК 94(470+571):316.35
ББК 63.3(2)-283.31

Дата поступления статьи: 10.04.2024
Дата принятия статьи: 10.07.2024

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ИСТОКАХ РАННИХ КАЗАЧЬИХ СООБЩЕСТВ: ИТОГИ, МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Марина Александровна Рыблова

Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Обращаясь к сложной и дискуссионной проблеме отечественного казачеведения – определению стадияльной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ – автор ставит перед собой задачи подвести итог многолетним дискуссиям, выявить наиболее перспективные направления дальнейших исследований и определить связанные с ними методологические установки. *Методы и материалы.* Материалами для статьи послужили многочисленные исследования проблемы стадияльной принадлежности ранних казачьих сообществ, осуществленные дореволюционными, советскими и современными отечественными исследователями-казачеводами, а также работы, посвященные мужским союзам и сообществам славянского, кавказского и тюркского миров. Анализ источников и научных публикаций осуществлялся с применением сравнительно-исторического и структурно-функционального методов, а также методов классификации и типологизации. *Анализ.* Имеющиеся по проблеме научные работы были классифицированы на основе определяемых учеными социальных и политических прототипов ранних казачьих сообществ. Выделены три группы версий о социальной природе ранних казачьих сообществ, которые соотносят их: 1) с государственными структурами; 2) с военизированными сообществами, существовавшими в южнорусских степях и сопредельных территориях одновременно с казаками; 3) с архаичными структурами (так называемой военной демократией и мужскими союзами). *Результаты.* Определяя именно третье направление в качестве наиболее перспективного, автор статьи предлагает расширить исследования по культурно-историческому сравнению казачьих организаций с архаичными мужскими союзами и их поздними формами, известными в тюркском, кавказском и славянском мирах. При этом предполагается исходить из набора важнейших методологических установок: мужские союзы представляли собой культурные универсалии, и их соотнесение с казачьими организациями может свидетельствовать не столько (и не только) о генетических связях, сколько о типологических; в отличие от кавказских и среднеазиатских союзов, сообщества казаков возникали за пределами метрополии, что, с одной стороны, приводило к необходимости выстраивания ими своих собственных постарных структур, с другой стороны, определяло сильное внешнее воздействие на них со стороны Российского государства. Развитие казачьих сообществ шло не по пути эволюции, а сначала осуществлялось в виде отката к архаике, а затем было сопряжено с чередой социокультурных трансформаций. Представляется весьма перспективным соотнесение казачьих сообществ с мужскими сообществами славянского мира: княжескими дружинами, крестьянскими братствами, союзами неженатой молодежи, цеховыми и промысловыми мужскими объединениями и пр. Такие сравнения должны осуществляться по максимальному набору признаков, отдельных структурных элементов и функций, которые предлагаются автором в качестве примерной модели.

Ключевые слова: ранние казачьи сообщества, социальные истоки, стадияльная принадлежность, мужские союзы, сравнительно-исторический анализ.

Цитирование. Рыблова М. А. К вопросу о социальных истоках ранних казачьих сообществ: итоги, методология и перспективы исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 249–260. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.4.18>

Введение. Проблемы истории российского казачества вызывают неиссякаемый интерес историков со времени зарождения российской историографии в XVIII в. и до настоящего времени. При этом происходит постоянное смещение фокуса научных исследований и расширение самого исследовательского поля [48, с. 6]. Долгое время отечественных ученых волновала проблема не только происхождения казаков, но и определения стадияльной принадлежности их сообществ, а также поиска тех социальных или политических структур, которые послужили основой, прообразом для их формирования на юге России на рубеже XV–XVI веков. В последнее время эта тема была актуализирована в двух публикациях: монографии Н.И. Никитина [23] и совместном

труде Н.И. Никитина и А.В. Малова [19]. Выявив и оценив высказанные учеными (начиная с конца XVIII в.) версии о стадияльной принадлежности ранних (вольных) казачьих сообществ, авторы этих работ сошлись в убеждении, что казаки создавали архаичные структуры, связанные в том числе и с таким древними институтами, как военная демократия и мужские союзы. Однако и после проведенного исследователями анализа целый ряд вопросов остается дискуссионным, и это обстоятельство дает основание для дальнейшего продолжения научных штудий.

В связи с очень широким разбросом мнений, высказанных исследователями по поводу стадияльной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ, представля-

ется важным и актуальным осуществить их классификацию, выявить наиболее перспективные направления дальнейших работ, а также определиться с методологическими основами исследований, связанных с осуществлением сравнительного анализа и сопоставления казачьих сообществ с институтом архаичных мужских союзов.

Методы и материалы. Материалами для статьи послужили многочисленные исследования проблемы стадийной принадлежности ранних казачьих сообществ, осуществленные дореволюционными, советскими и современными исследователями-казаковедами. Высказанные в разное время версии будут классифицироваться на основе определяемых учеными социальных и политических прототипов ранних казачьих сообществ. В связи с тем, что одна из ключевых авторских позиций заключается в том, что необходимо расширить границы уже проведенного историко-сравнительного анализа и соотнести вольные казачьи сообщества, расселявшиеся по Дону с притоками, Яику, Тереку и Днепру (ниже порогов), с мужскими сообществами / союзами, известными на сопредельных территориях, в статье использовались также исследования и материалы, посвященные мужским союзам и сообществам славянского, кавказского и тюркского миров [3; 4; 6; 7; 12; 14; 26; 29; 39, 40; 50; 52].

Анализ источников и научных публикаций по этой проблеме осуществлялся с применением историко-сравнительного и структурно-функционального методов, а также метода типологизации, которые позволили выявить основные элементы сравниваемых сообществ и их функции с дальнейшей перспективой их использования для будущих сравнительно-типологических исследований.

Анализ. Выделяя ключевые и дискуссионные вопросы проблемы стадийной принадлежности донских казаков, отраженные в многочисленных работах отечественных исследователей, можно сгруппировать их в рамках трех основных блоков на основе двух главных признаков: определения их социально-политической природы и первичного прообраза, положенного в основу этих сообществ.

1. В первую группу можно объединить версии ученых, которые полагали, что уже в ранний период истории существовали само-

стоятельные казачьи государства или близкие к ним и развитые формы (квазигосударство, парapolитейное государство). Такой позиции придерживались: В.Г. Сватиков [36, с. 36], С.И. Тхоржевский [44, с. 28]. О том, что «казацким идеалом» было «буржуазно-демократическое равенство», писал С.Г. Томсинский [43, с. 185]. И.Г. Рознер и В.А. Голобуцкий [8] считали украинских казаков носителями передовых капиталистических тенденций, а казачьи сообщества называли «антифеодальными государственными образованиями», своеобразными (пусть и не развитыми) демократическими республиками [30, с. 47–48, 56].

В постсоветское время появились более взвешенные и осторожные оценки казачьей государственности. Так, А.Ю. Дворниченко полагал, что ранние казачьи сообщества имели ярко выраженные признаки государственности, но она была «скорее потестарной, чем политической», к тому же имела характер вторичности (формировалась под сильным внешним воздействием) [10]. В качестве квазигосударства определяли Донское войско Р.Г. Тикиджьян, А.П. Скорик, А.В. Кочегаров и В.П. Трут [42, с. 73], а Запорожскую сечь – А.В. Кондрико [15, с. 17]. В XXI в. также были возрождены идеи о высоком уровне политической организации ранних казачьих сообществ. Некоторые ученые стали называть организации яицких и донских казаков «независимыми государствами», а казачью демократию – предтечей современной [22, с. 24; 49, с. 8].

2. Во вторую группу можно объединить версии, согласно которым казаки выстраивали свои сообщества, опираясь на традиции, существовавшие единовременно с ними. Так, исследователи отмечали влияние на внутреннюю организацию донских казачьих сообществ демократического устройства вольных татарских отрядов и станиц (активно возникших после распада Золотой Орды), с которыми первые не только жили по-соседству, но и нередко смешивались [16, с. 114; 21, с. 231; 47]. И.О. Тюменцев обосновывал мысль о типологическом сходстве татарских (кочевых) и славянских (оседлых) казачьих сообществ, возникших на основе объединения маргинализованного населения Подонья после распада Золотой орды [45–47]. А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков и Н.И. Ни-

китин указали на возможности легкого перехода из российского служилого казачества в вольное, а также на то, что в XVI в. действия служилых мещерских казаков против ногайцев ничем, в сущности, не отличались от походов вольных донских казаков «за зипунами» [27, с. 41; 23, с. 185]. Представляется, что такое сходство действий вполне могло соотноситься со сходством организационным.

Все эти версии можно охарактеризовать как взвешенные, опирающиеся на исторические свидетельства и вполне согласующиеся с выводами этнографов о том, что на территории расселения вольного славянского казачества шли активные процессы социокультурного взаимодействия и обмена опытом разных этнических групп. Однако, указывая на возможные связи ранних казачьих сообществ с теми или иными структурами (кочевыми татарскими или горскими сообществами, организациями российских служилых казаков), исследователи, во-первых, не определяли четко характер (типологическую принадлежность) этих структур, а во-вторых, не приводили конкретных свидетельств и параллелей, что сопряжено в первую очередь со скудостью источников по этой проблеме.

Впрочем, исключение составляют работы М.И. Крайсветного, который находил прямые аналогии между донскими казачьими организациями и воинскими сообществами Северного Кавказа, в первую очередь адыгскими (и отчасти аланскими). При этом исследователь объяснял их генетическими причинами: происхождением донских казаков непосредственно от адыгов [18; 19], что не находит подтверждений историческими источниками и, кроме того, не является обязательным следствием обнаруженных сходств, так как речь может идти и о типологически сходных явлениях.

Некоторые исследователи (В.М. Пудавов, А.А. Скальковский, Д.И. Эварницкий) соотносили ранние казачьи сообщества запорожских и донских казаков с современными им рыцарскими орденами европейского Средневековья [28, с. 179–181; 38, с. 17, 101–104; 51]. В постсоветское время эти представления развивали Р.В. Багдасаров и А.В. Кондрико [1; 15]. Соглашаясь с оценкой Д.С. Сенем прямого соотнесения запорожского каза-

чьего сообщества с рыцарским орденом, как тупикового [37, с. 234], отмечу, однако, что в целом такие сравнительные параллели в то время открывали новые перспективы для поиска места казачьих сообществ среди других социальных образований позднего Средневековья.

Наконец, в 1990-х гг. А.Л. Станиславский и Н.И. Никитин высказали интересную мысль о наличии некоторых сходных элементов в организации ранних казачьих сообществ и криминальных организаций [41, с. 244; 24, с. 10]. В то время эта мысль некоторым исследователям показалась спорной и подверглась критике [10, с. 129]. Однако после выхода статьи Л. Самойлова (Л.С. Клейна) о советской исправительно-трудовой колонии [35] и монографии К.Л. Банникова о российской армии [5], в которых были представлены мужские сообщества в экстремальных условиях существования, идея о наличии некоторых схожих черт у ранних славянских казачьих и российских криминальных сообществ уже не представлялась чем-то крамольным и была поддержана некоторыми учеными [46].

3. В третий блок можно объединить мнения тех исследователей, которые в поисках прообраза ранних казачьих организаций обратились в прошлое. Так, еще в XVIII в. Г.Ф. Миллер обнаруживал в «казачьей демократии» признаки глубокой первобытности, а военную организацию запорожцев называл догосударственной формой общественной жизни [20]. В.Г. Дружинин писал о «совершенно неразвитых первобытных формах административного устройства» вольного сообщества донских казаков [11, с. 28].

В советское время идея архаичности устройства ранних донских казачьих сообществ была актуализирована Н.И. Никитиным, который находил в их общественно-политическом устройстве аналогии с «социально-политической структурой доклассового общества в период военной демократии», полагая, что до государственности казакам было далеко [25, с. 240]. Исследователь считал, что вольные казачьи сообщества являлись не олицетворением грядущих социальных отношений, а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодалных времен. Позицию Н.И. Никитина поддержал

А.Л. Станиславский, также считавший, что ранние казачьи организации много архаичнее общественного устройства Российского государства того времени [41, с. 244].

Вслед за этими исследователями версия об архаичности ранней организации донских казаков обосновывалась автором данной статьи. Была высказана мысль о том, что в их основу могли быть положены различные формы славянских мужских объединений (дружины, братства и пр.), а также средневековые европейские комитаты [31, с. 71–72; 34]. Были отмечены и возможности влияния на казачьи организации традиций мужских союзов, реликты которых сохранялись, например, на Кавказе и в Средней Азии до середины XX в., а также представлены множественные этнографические параллели между ними [32, с. 125; 33, с. 13–14].

Дальнейшее развитие этой идеи было осуществлено украинским исследователем В.В. Грибовским. Оно представлено в коллективной монографии, вышедшей в Казани под грифом Академии наук Республики Татарстан, а потому, надо полагать, отражает мнение группы отечественных ученых. В.В. Грибовский провел аналогии между сообществами славянских казаков и тюркскими (среднеазиатскими) мужскими сообществами, известными преимущественно по материалам XIX–XX вв. [13, с. 11–69]. Отбросив при анализе весь кавказский и славянский массив материалов по этой проблеме, исследователь пришел к выводу, что «в основе русского и украинского казачества лежали не славянские мужские союзы, исчерпавшие себя в предшествующую эпоху (княжеская дружина), а те их формы, которые с древности вырабатывались степными обществами и прошли вторичную институализацию в ходе распада чингизидских государств в XV в.» [13, с. 172]. При этом отрицание возможностей влияния на казачий мир славянских мужских союзов (или их поздних форм, не ограничивающихся, кстати, только княжескими дружинами) исследователь ничем не обосновывал.

Меж тем, наличие массы культурных параллелей между казачьими сообществами и тюркскими мужскими союзами не исключает такого же (если не более мощного) влияния со стороны славянских мужских сооб-

ществ, которые продолжали существовать, изменяясь, так же как изменялись (проходили «вторичную институализацию» в ходе распада чингизидских государств в XV в.) мужские союзы тюркского мира. Главная же проблема, которая вытекает из сравнительного анализа В.В. Грибовского, заключается в том, что, обнаруживая сходства одного явления с другим, он делает вывод о наличии генетической связи между ними («в основе казачества лежали “степные сообщества”»), что вовсе не является обязательным следствием этих сходств.

В 2022 г. по проблеме стадийной принадлежности ранних сообществ донских казаков вновь высказался Н.И. Никитин. Подтвердив свое давнее мнение об архаичности их сообществ, он особо отметил, что «практики мужских союзов если и определяли социальное устройство казачьих сообществ, то лишь на самых ранних этапах их становления и существования» [23, с. 229]. Эта оговорка представляется очень важной, хотя и не вполне достаточной. Отдельные практики мужских союзов воспроизводились казаками и в более позднее время, но никогда только ими не ограничивались. И люди, уходившие из метрополии «в казаки», имели опыт не только членства в мужских сообществах (воинских или крестьянских), но и участия в государственных делах метрополии, на что справедливо указывал в свое время А.В. Дворниченко [9; 10].

Результаты. Подводя итог дискуссиям о стадийной принадлежности ранних казачьих сообществ, выскажу свою позицию по этому поводу, отметив также и ряд положений методологического характера.

1. В настоящее время в научном сообществе получает все большее признание и распространение мысль о том, что в основе ранних казачьих сообществ могли быть структуры, определяемые в качестве архаичных мужских союзов. Это обстоятельство можно признать весьма значимым для отечественного казачеведения, открывающим дальнейшие перспективы исследования социальной истории славянских групп казаков.

2. Исторические свидетельства о ранних казачьих сообществах и современные научные знания не дают оснований ограничивать сравнение их лишь с тюркскими и монголь-

кими мужскими союзами. В числе возможных прототипов ранних казачьих сообществ могли быть и кавказские, и славянские мужские сообщества. Особый интерес представляет сравнение казачьих сообществ с последними – княжескими дружинами, крестьянскими братствами, союзами неженатой молодежи, цеховыми объединениями, мужскими промысловыми артелями и пр.

3. Сравняя казачьи сообщества с мужскими союзами сопредельных территорий, необходимо использовать максимальный набор признаков. Проведенный мною анализ работ, посвященных славянским, среднеазиатским и кавказским мужским сообществам, позволяет предложить следующий их перечень: гомогенный половой состав; наличие системы возрастных классов (или их поздних форм) и системы наставничества; наличие переходно-посвятительных обрядов (инициационных испытаний) и представлений об общем предке; установление нового (символического) кровного родства; длительное совместное проживание групп молодых мужчин; наличие для этого собственных домов и общего имущества; наличие собственной власти, выборность должностных лиц; совместное проведение досуга и праздников; высокий статус стариков; наличие системы обще- и внутригрупповых знаков и атрибутов.

Осуществляя сравнительный анализ, необходимо выстраивать иерархию этих признаков и понимать при этом, что на разных стадиях развития мужских союзов / сообществ один и тот же признак мог занимать разное место в этой иерархии.

4. Глубокое понимание сущности мужских союзов не возможно без определения их главных функций, а потому они также должны стать основой для сравнительно-исторического анализа. Обращение к материалам по славянским братствам, кавказским и среднеазиатским мужским союзам позволило выделить следующие их функции: установление и поддержание своей власти (противопоставленной не только женскому миру, но и власти метрополии), наличие института выборных должностей; защита своей территории и забота об ее благоустройстве; ведение боевых действий с неприятелем; организация сборов, военно-спортивных тренировок, социализация

юношей; забота о погребении членов своих сообществ.

5. При осуществлении сравнительного анализа необходимо с осторожностью относиться к любым выявленным сходствам, избегая скорых генетических построений (например, связывая происхождение славянских казачьих организаций непременно с горцами или степными тюрками). Чтобы избежать этого, необходимо также понимать, что мужские союзы относятся к культурным универсалиям, архаичные принципы и механизмы действия которых проявляются всякий раз, когда на периферии культурного или социального пространства возникает и пытается приобрести форму какое-либо экстремальное мужское объединение – армейский коллектив, религиозное братство, криминальное сообщество на воле или в заключении или сообщество тех, кто выбрал в качестве своей судьбы казакование.

6. После детального выявления сходств между разными сообществами (даже типологически близкими) необходимо, по справедливому замечанию Д.В. Сеня, обратиться и к поиску их различий [37, с. 230]. К числу таких важнейших различий может быть отнесено то обстоятельство, что славянские мужские сообщества метрополии, а также кавказские и среднеазиатские мужские союзы формировались внутри общинных и семейно-родовых структур, в то время как казаки создавали свои сообщества за пределами метрополии, отрываясь и от семей, и от общин, и от государства.

В этом отношении организации запорожских, донских, терских и уральских казаков гораздо больше напоминают сообщества поздних сарматов, действовавших примерно на той же территории и представлявших собой (согласно исследованиям волгоградского антрополога М.А. Балабановой) мужскую военнизированную организацию, оторванную от территории основного расселения и состоявшую преимущественно из взрослых мужчин-воинов [2].

Представляется также, что именно выход казачьих сообществ за пределы метрополий, необходимость выстраивать свои собственные структуры на новых землях и приводили к быстрой их политизации.

7. Определяя признаки, сближающие казачьи организации с другими евразийскими мужскими сообществами / союзами, необходимо фиксировать не только те, которые объединяют их в рамках одной типологической единицы, но и те, которые не вписываются в структуру мужских союзов. Это как раз те признаки, которые обнаруживали сторонники «казачьей государственности», или «квазигосударственности»: выстраивание собственной власти, противопоставленной не женскому миру (как в классических мужских союзах), а политической системе Российского государства. Вольными казаками реализовывался проект куда более мощный и с другой идеологией, основанной на противопоставлении российской неволе казачьей воли. Говоря о создаваемых вольными казаками организационных структурах, также не стоит сбрасывать со счетов и тот опыт (политический и социокультурный), который имели уходящие в казаки, и то внешнее воздействие, которое оказывалось на них со стороны Российского государства.

8. Остается дискуссионным вопрос о формах и направлениях исторического развития славянских казачьих сообществ. Был ли для казаков «возврат к архаике» регрессом или возвращением в утраченный Золотой век? Можно ли говорить о дальнейшей деградации мужских союзов у казаков под влиянием фактора семейственности (В.В. Грибовский)?

Представляется, что речь должна идти не о регрессе, не о деградации и не об эволюционном переходе от мужского союза к словию. Первоначальные процессы формирования казачьих сообществ скорее вписываются в так называемую теорию «вторичной архаики», а последующие изменения связаны с чередой социокультурных трансформаций, которым подвергалась сама модель казачества под влиянием постоянно меняющихся внешних факторов.

Что касается возврата казаков в лоно империи, то в этом сложном процессе соединились воедино чаяния российских политических структур и казачьей зажиточной верхушки, которая, по сути, осуществила мощнейший проект по возвращению в статусную зону, но в новом качестве: уже отнюдь не маргиналов, а государевых слуг, имеющих целый ряд предпочтений.

9. Казачий материал дает исследователям возможность для реконструкции тех социальных моделей (в первую очередь, воинских и в целом мужских), которые к тому времени в самой метрополии были полностью или частично утрачены либо существенно деформированы. Так называемая «казачья архаика» вообще может широко использоваться во многих фольклорно-этнографических студиях: в изучении славянского мужского фольклора, русских былин, славянских воинских сообществ (солдатских, стрелецких, дружинных и пр.), а также их обрядовых практик.

Дальнейшее развитие проблемы стадийной принадлежности ранних славянских казачьих сообществ в целом позволит более широко и глубоко обозначить проблему мужских сообществ в русской народной традиции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2024–26 гг. «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта», № гр. проекта 124012200178-4

ACKNOWLEDGMENTS

The publication was prepared as part of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2024–26 “Cossacks in the civilizational development of the southern frontier by Russia”, project no. 124012200178-4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасаров Р. В. Пугу! Три века запорожской воли // За порогом. Статьи, очерки, эссе. М.: ЮС-Б, 2003. 280 с.
2. Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 66–88.
3. Балушок В. Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициаций // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 92–98.
4. Балушок В. Г. Обряды и обычаи жизненного цикла украинских цеховых ремесленников (XVI – середина XVII в.) // Советская этнография. 1987. № 2. С. 41–51.

5. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы российской армии. М.: ИЭА РАН, 2002. 400 с.
6. Боржковский В. В. «Парубоцтво», как особая группа в малорусском сельском обществе // Киевская старина. 1887. Т. XVIII. С. 768–769.
7. Вагилевич И. Гуцулы – обитатели восточной отрасли Карпатских гор // Пантэон. 1855. Т. XXI. Кн. III. С. 17–56.
8. Голобуцкий В. А. Запорожская Сечь // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 93–107.
9. Дворниченко А. Ю. О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность. Мавродинские чтения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. С. 107–110.
10. Дворниченко А. Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) // Дом Романовых в истории России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. С. 124–133.
11. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 335 с.
12. Ефименко А. Я. Южно-русские братства // Южная Русь: очерки, исследования, заметки. В 2 т. Т. 1. СПб.: [б. и.], 1905. С. 200–309.
13. Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань: [б. и.], 2018. 804 с.
14. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.
15. Кондрико А. В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 23 с.
16. Королев В. Н. Казаки донские // Энциклопедия культур народов Юга России: В 9 т. Т. 1. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. С. 114–118.
17. Крайсветный М. И. О роли народов Кавказа в этногенезе донского казачества // Первая Абхазская международная археологическая конференция, посвящена памяти Ю.Н. Воронова: Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов, сохранение культурного наследия: материалы конф. Сухум, 2006. С. 213–218.
18. Крайсветный М. И. Элементы культуры северокавказских народов в культуре донского казачества // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе: тез. Междунар. науч. конф. Ростов н/Д; Азов: ЦВВР, 2006. С. 52–56.
19. Малов А. В., Никитин Н. И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследования, справ. материалы, источники. М.: Снежный ком, 2023. 758 с.
20. Миллер Г. Ф. О начале и происхождении казаков // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760. Апрель. С. 291–334.
21. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1998. 510 с.
22. Мохов А. Е. Казачество и Российское государство. М.: Вуз. кн., 2011. 157 с.
23. Никитин Н. И. История казачества: аспекты научные и политические. М.: Директ-Медиа, 2022. 488 с.
24. Никитин Н. И. Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. Международная конференция «Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина»: тез. докл. В 2 ч. Ч. II. М.: [б. и.], 1994. С. 3–14.
25. Никитин Н. И. О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России. М.: Ин-т истории России, 1987. С. 236–245.
26. Попов А. Н. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. В 4 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Н. Калачева, 1854. С. 19–41.
27. Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 420 с.
28. Пудавав В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск: М. В. Пудавов, 1890. 328 с.
29. Рахимов Р. Р. Социальная иерархия в традиционных «мужских домах» у таджиков // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. М.: [б. и.], 1990. С. 89–131.
30. Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 42–56.
31. Рыблова М. А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 542 с.
32. Рыблова М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. мед. ун-та, 2009. 481 с.
33. Рыблова М. А. Статья воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград: Изд-во ВолГУ; Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 280 с.
34. Рыблова М. А. «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 86–106.
35. Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 98–108.

36. Сватиков С. Г. Россия и Дон. 1549–1917. Ростов н/Д: Ростовкнига, 2013. 596 с.
37. Сень Д. В. Военизированные сообщества в историко-сравнительной перспективе: общие пути социального развития или общие исследовательские подходы // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 230–239.
38. Скальковский А. А. История новой Сечи или последнего коша Запорожского. На основании подлинных документов Западного Сечевого Архива. Изд. III. Ч. I. Одесса: Тип. А. Шульце, 1846. 294 с.
39. Снесарев Г. П. О реликтах мужских союзов в истории народов Средней Азии. М.: Наука, 1964. 260 с.
40. Снесарев Г. П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 7. С. 155–205.
41. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
42. Тикиджьян Р. Г., Скорик А. П., Кочегаров А. В., Трут В. П. Донское казачество и Российское государство: исторический опыт взаимоотношений // Казачий Дон. Очерки истории. В 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. обл. ин-та усовершенствования учителей, 1995. С. 67–149.
43. Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 306 с.
44. Тхоржевский С. И. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. 1923. С. 9–28.
45. Тюменцев И. О. Казачество в правление Ивана Грозного (1533–1584 гг.) // Археолого-этнографические исследования Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1995. С. 5–23.
46. Тюменцев И. О. Россия и появление казачества на Волге и на Дону в XV – первой половине XVI вв. // Cahiers du Monde russe. 2005. № 46/1–2, Janvier–juin. P. 75–82.
47. Тюменцев И. О. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ // Многоукладность и асимметричность развития региональных экономик Юга России: риски модернизации и механизмы трансформации: материалы 2-й Всерос. науч. конф., 6–10 апр. 2006 г. Ростов н/Д: Домбай, 2006. С. 247–254.
48. Тюменцев И. О. Актуальные проблемы истории казачества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 6–7.
49. Фалалеев А. В. Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (конец XV – первая четверть XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 28 с.
50. Хорватова Э. Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1989. С. 162–173.
51. Эварницкий Д. И. История Запорожских казаков. В 3 т. Т. I. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 852 с.
52. Ястребов В. Н. Новые данные о союзах неженатой молодежи на юге России. Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1896. 19 с.

REFERENCES

1. Bagdasarov R.V. Pugu! Tri veka zaporozhskoj voli [Pugu! Three Centuries of Zaporizhian Will]. *Za porogom. Statyi, ocherki, esse* [Beyond the Threshold. Articles, Essays]. Moscow, JuS-B Publ., 2003. 280 p.
2. Balabanova M.A. Rekonstrukcija socialnoj organizacii pozdnih sarmatov po antropologicheskim dannym [Reconstruction of the Social Organization of the Late Sarmatians According to Anthropological Data]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [Nizhnevolzhsky Archaeological Bulletin], 2003, iss. 6, pp. 66-88.
3. Balushok V.G. Drevneslavjanskije molodezhnye sojuzy i obrjady iniciacij [Ancient Slavic Youth Unions and Initiation Rites]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1996, no. 3, pp. 92-98.
4. Balushok V.G. Obrjady i obychai zhiznennogo cikla ukrajskikh cehovyh remeslennikov (XVI – seredina XVII v.) [Rituals and Customs of the Life Cycle of Ukrainian Guild Artisans (The 16th – Mid-17th Centuries)]. *Sovetskaja jetnografija* [Soviet Ethnography], 1987, no. 2, pp. 41-51.
5. Bannikov K.L. *Antropologija ekstremalnih grupp. Dominantnye otnoshenija sredi voennosluzhashchih srochnoj sluzhby rossijskoj armii* [Anthropology of Extreme Groups. Dominant Relationships Among Conscripts of the Russian Army]. Moscow, IEA RAN, 2002. 400 p.
6. Borzhkovskij V. «Paruboctvo», kak osobaja gruppa v malorusskom selskom obshhestve [“Parubotstvo” as a Special Group in Little Russian Rural Society]. *Kievskaja starina* [Kiev Antiquity], 1887, vol. XVIII, pp. 768-769.
7. Vagilevich I.N. Guculy – obitateli vostochnoj otrasli Karpatskih gor [Hutsuls – Inhabitants of the Eastern Part of the Carpathian Mountains]. *Panteon* [The Pantheon], 1855, vol. XXI, book III, pp. 17-56.
8. Golobuckij V.A. Zaporozhskaja Sech [Zaporizhzhya Sich]. *Voprosy istorii* [History Issues], 1970, no. 2, pp. 93-107.
9. Dvornichenko A.Ju. O rannih kazachyih soobshhestvah [About Early Cossack Communities].

Istoricheskij opyt russkogo naroda i sovremennost. Mavrodinskije chtenija [Historical Experience of the Russian People and Modernity. Mavrodin Readings]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 1994, pp. 107-110.

10. Dvornichenko A.Ju. Pervye Romanovy i demokraticheskie tradicii russkogo naroda (k istorii rannih kazachyih soobshhestv) [The First Romanovs and the Democratic Traditions of the Russian People (To the History of Early Cossack Communities)]. *Dom Romanovyh v istorii Rossii* [House of Romanov in the History of Russia]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 1995, pp. 124-133.

11. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v konce XVII v.* [Schism on the Don at the End of the 17th Century]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1889. 335 p.

12. Efimenko A.Ya. Juzhno-russkie bratstva [South Russian Brotherhoods]. *Juzhnaja Rus: ocherki, issledovanija, zametki. V 2 t. T. 1* [Southern Rus': Essays, Studies, Notes. In 2 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, s.n., 1905, pp. 200-309.

13. *Kazachestvo v tjurkskom i slavjanskom mirah* [Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds]. Kazan, s.n., 2018. 804 p.

14. Karpov Ju.Ju. *Dzhigit i volk. Muzhskie sojuzy v sociokulturnoj tradicii gorcev Kavkaza* [Dzhigit and the Wolf. Men's Unions in the Sociocultural Tradition of the Caucasian Highlanders]. Saint Petersburg, MAE RAN, 1996. 311 p.

15. Kondriko A.V. *Sistema kazachyego samoupravlenija v ramkah rossijskoj gosudarstvennosti na primere Zaporozhskoj Sechi v ser. XVII – kon. XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk.* [The System of Cossack Self-Government Within the Framework of Russian Statehood Using the Example of the Zaporozhye Sich in the Middle of the 17th – The End of the 18th Century]. Moscow, IUMGOU, 2015. 23 p.

16. Korolev V.N. Kazaki donskie [Cossacks of the Don]. *Ehnciklopediya kultur narodov Yuga Rossii: V 9 t. T. 1* [Encyclopedia of Cultures of the Peoples of the South of Russia]. Rostov-on-Don, Izd-vo SKNTs VSh, 2005, pp. 114-118.

17. Krajsvetnyj M.I. O roli narodov Kavkaza v etnogeneze donskogo kazachestva [On the Role of the Peoples of the Caucasus in the Ethnogenesis of the Don Cossacks]. *Pervaya Abkhazskaya mezhdunarodnaya arkhelogicheskaya konferentsiya, posvyashchena pamyati Yu.N. Voronova: Drevniye kultury Kavkazskogo Prichernomorja, ikh vzaimodejstviye s kulturami sosednikh regionov, sokhraneniye kulturnogo naslediya: materialy konf.* [The First Abkhazian International Archaeological Conference, Dedicated to the Memory of Yu.N. Voronov: Ancient Cultures of the Caucasian Black Sea Region, Their Interaction with the Cultures of Neighboring Regions,

Preservation of Cultural Heritage: Conference Materials]. Sukhum, 2006, pp. 213-218.

18. Krajsvetnyj M.I. Elementy kultury severokavkazskih narodov v kulture donskogo kazachestva [Elements of the Culture of the North Caucasian Peoples in the Culture of the Don Cossacks]. *Kazachestvo v juzhnoj politike Rossii v Prichernomorskom regione: tez. Mezhdunar. nauch. konf.* [Cossacks in the Southern Policy of Russia in the Black Sea Region. Abstracts of the International Scientific Conference]. Rostov-on-Don, Azov, TsVVR Publ., 2006, pp. 52-56.

19. Malov A.V., Nikitin N.I. *Rossijskoe kazachestvo na zare svoej istorii (XV–XVII veka): issledovanija, sprav. materialy, istochniki* [Russian Cossacks at the Dawn of Their History (The 15th – 17th Centuries): Research, Reference Materials, Sources]. Moscow, Snezhnyj kom Publ., 2023. 758 p.

20. Miller G.F. Onachale i proishozhdenii kazakov [About the Beginning and Origin of the Cossacks]. *Sochinenija i perevody, k polze i uveseleniju sluzhashhie* [Works and Translations Serving for Benefit and Amusement], 1760, April, pp. 291-334.

21. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epohu pozdnego Srednevekovyja (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the Late Middle Ages (Before 1671)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1998. 510 p.

22. Mohov A.E. *Kazachestvo i Rossijskoe gosudarstvo* [Cossacks and the Russian State]. Moscow, Vuz. kniga Publ., 2011. 157 p.

23. Nikitin N.I. *Istorija kazachestva: aspekty nauchnye i politicheskie* [History of the Cossacks: Scientific and Political Aspects]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2022. 488 p.

24. Nikitin N.I. Kazachyi soobshhestva kak primer samoorganizacii vnesoslovyh i vneklassovyh socialnyh sloev XVI–XVII vv. [Cossack Communities as an Example of Self-Organization of Non-Class Social Strata of the 16th – 17th Centuries]. *Soslovija i gosudarstvennaja vlast v Rossii. Mezhdunarodnaja konferencija «Chtenija pamjati akad. L.V. Cherepnina»: tez. dokl. V 2 ch. Ch. II* [Estates and State Power in Russia. International Conference “Readings in Memory of Academician L.V. Tcherepnin”. Abstracts of Reports. In 2 Pts. Pt. 2]. Moscow, s.n., 1994, pp. 3-14.

25. Nikitin N.I. O formacionnoj prirode rannih kazachyih soobshhestv [On the Formational Nature of Early Cossack Communities]. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow, In-t istorii Rossii, 1987, pp. 236-245.

26. Popov A.N. Piry i bratchiny [Feasts and Brothers]. *Arhiv istoriko-juridicheskikh svedenij, otnosjashhijhsja do Rossii. V 4 kn. Kn. 2* [Archive of Historical and Legal Information Related to Russia.

In 4 Books. Book 2]. Moscow, Izd-vo N. Kalachova, 1854, pp. 19-41.

27. Pronstein A.P., Mininkov N.A. *Krestianskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vekov i donskoye kazachestvo* [Peasant Wars in Russia of the 17th – 18th Centuries and the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 1983. 420 p.

28. Pudavov V.M. *Istorija vojska Donskogo i starobytnost nachal kazachestva* [History of the Don Army and the Ancient Origins of the Cossacks]. Novocherkassk, M. V. Pudavov, 1890. 328 p.

29. Rahimov R.R. Socialnaja ierarhija v tradicionnyh “muzhskih domah” u tadjikov [Social Hierarchy in Traditional “Male Houses” Among Tajiks]. *Etnograficheskie aspekty tradicionnoj voennoj organizacii narodov Kavkaza i Srednej Azii* [Ethnographic Aspects of the Traditional Military Organization of the Peoples of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, s.n., 1990, pp. 89-131.

30. Rozner I.G. Antifeodalnye gosudarstvennye obrazovanija v Rossii i na Ukraine v XVI–XVIII vv. [Antifeudal State Formations in Russia and Ukraine in the 16th – 18th Centuries]. *Voprosy istorii* [History Issues], 1970, no. 8, pp. 42-56.

31. Ryblova M.A. *Donskoe bratstvo: kazachyie soobshhestva na Donu v XVI–pervoj tretej XIX veka* [Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th – First Third of the 19th Century]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 542 p.

32. Ryblova M.A. *Muzhskie soobshhestva donskih kazakov kak sociokulturnyj fenomen XVI–pervoj tretej XIX v.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Male Communities of the Don Cossacks as a Sociocultural Phenomenon of the 16th – First Third of the 19th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. med. un-ta, 2009. 481 p.

33. Ryblova M.A. *Stat voinom: tradicii socializacii junoshej i podgotovki voinov v donskoj kazachyej obshhine* [Become a Warrior: Traditions of Socialization of Young Men and Training of Warriors in the Don Cossack Community]. Volgograd, Izd-vo VolGU; Rostov-na-Donu, Izd-vo JuNTs RAN, 2016. 280 p.

34. Ryblova M.A. «Vzvejtes, sokoly, orlami»: ornitomorfnaia simbolika v vostochnoslavjanskoj voinskoj tradicii [“Soar, Falcons, Like Eagles”: Ornithomorphic Symbolism in the East Slavic Military Tradition]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 2, pp. 86-106.

35. Samojlov L. Etnografija lagerja [Ethnography of the Camp]. *Sovetskaja etnografija* [Soviet Ethnography], 1990, no. 1, pp. 98-108.

36. Svatikov S.G. *Rossija i Don. 1549–1917* [Russia and Don. 1549–1917]. Rostov-on-Don, Rostovkniga Publ., 2013. 596 p.

37. Sen D.V. Voenizirovannye soobshhestva v istoriko-sravnitelnoj perspektive: obshhie puti socialnogo razvitiija ili obshhie issledovatel'skie podhody [Paramilitary Communities in Historical-Comparative Perspective: Common Paths of Social Development or Common Research Approaches]. *Novoe proshloe* [A New Past], 2019, no. 4, pp. 230-239.

38. Skalkovskij A.A. *Istorija novoj Sechi ili poslednego kosha Zaporozhskogo. Na osnovanii podlinnykh dokumentov Zapadnogo Sechevogo Arhiva. Izd. III. Ch. I* [The History of the New Sich or the Last Zaporozhye Kosh. Based on Authentic Documents of the Western Sich Archive. Ed. 3. Pt. 1]. Odessa, Tip. A. Shultse, 1846. 294 p.

39. Snesev G.P. *O relikhtah muzhskih sojuzov v istorii narodov Srednej Azii* [On the Relics of Male Unions in the History of the Peoples of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ, 1964. 260 p.

40. Snesev G.P. Tradicija muzhskih sojuzov v ee pozdnejshem variante u narodov Srednej Azii [The Tradition of Male Unions in Its Later Version Among the Peoples of Central Asia]. *Materialy Horezmskoj ekspedicii* [Materials of the Khorezm Expedition]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, iss. 7, pp. 155-205.

41. Stanislavskij A.L. *Grazhdanskaja vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia in the 17th Century: Cossacks at the Turning Point of History]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 270 p.

42. Tikidzhyan R.G., Skorik A.P., Kochegarov A.V., Trut V.P. Donskoe kazachestvo i Rossijskoe gosudarstvo: istoricheskij opyt vzaimootnoshenij [The Don Cossacks and the Russian State: The Historical Experience of Relations]. *Kazachij don. Ocherki istorii. V 2 ch. Ch. 1* [Cossack Don. Essays on History. In 2 Pt. Pt. 1]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostov. obl. in-ta usovershenstvovaniya uchiteley, 1995, pp. 67-149.

43. Tomsinskij S.G. *Ocherki istorii feodalno-krepostnicheskoy Rossii* [Essays on the History of Feudal-Serf Russia]. Moscow; Leningrad, Socjkgiz Publ., 1934. 306 p.

44. Thorzhevskij S.I. Donskoe vojsko v pervoj polovine semnadcatogo veka [Don Army in the First Half of the Seventeenth Century]. *Russkoe proshloe* [The Russian Past], 1923, pp. 9-28.

45. Tjumencev I.O. Kazachestvo v pravlenie Ivana Groznogo (1533–1584 gg.) [Cossacks During the Reign of Ivan the Terrible (1533–1584)]. *Arheologo-etnograficheskie issledovanija Volgogradskoj oblasti* [Archaeological and Ethnographic Research of the Volgograd Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1995, pp. 5-23.

46. Tjumencev I.O. Rossiija i pojavlenie kazachestva na Volge i na Donu v XV – pervoj polovine XVI vv. [Russia and the Emergence of the Cossacks on the Volga and Don in the 15th – First Half of the

16th Centuries]. *Cahiers du Monde russe* [Notebooks of the Russian World], 2005, no. 46/1–2, Janvier–juin, pp. 75–82.

47. Tjumencev I.O. К вопросу об институтах ранних казачьих сообществ [On the Issue of the Institutions of Early Cossack Communities] *Mnogoukladnost i assimetrichnost razvitija regionalnyh ekonomik Juga Rossii: riski modernizacii i mehanizmy transformacii: materialy 2-j Vseros. nauch. konf. 6–10 apr. 2006 g.* [Multistructure and Asymmetrical Development of Regional Economies of the South of Russia: Risks of Modernization and Mechanisms of Transformation: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference, April 6–10, 2006]. Rostov-on-Don, Dombaj Publ., 2006, pp. 247–254.

48. Tyumencev I.O. Aktualnye problemy istorii kazachestva [Actual Problems of the History of the Cossacks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University.

History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 4, pp. 6–7.

49. Falaleev A.V. *Gosudarstvenno-pravovoe polozhenie Zemli Vojska Donskogo (konec XV–pervaja четвѣт XVIII vv.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [State and Legal Status of the Land of the Don Army (End of the 15th–First Quarter of the 18th Centuries. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006. 28 p.

50. Horvatova E. Tradicionnye junosheskie sojuzy i iniciacionnye obrjady u zapadnyh slavjan [Traditional Youth Unions and Initiation Rites Among the Western Slavs]. *Slavjanskij i balkanskij folklor* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 162–173.

51. Evarnickij D.I. *Istorija Zaporozhskih kazakov. V 3 tt. T. I* [History of the Zaporozhye Cossacks. In 3 Vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova, 1892. 852 p.

52. Jastrebov V.N. *Novye dannye o sojuzah nezhenatoj molodezhi na juge Rossii* [New Data on Unions of Unmarried Youth in Southern Russia]. Kiev, Tip. Korchak-Novickogo, 1896. 19 p.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>